

В. Е. ЖАБОТИНСКИЙ

ПОДЖИГАТЕЛЬ

(разговор о Жан-Жаке)

Давным-давно, невероятно много лет тому назад, два молодых человека шли по шоссейной дороге из Биля в Невшатель и говорили по-русски. Одному было лет двадцать пять, а другому лет семнадцать; сей последний был нижеподписавшийся ваш покорный слуга. Старший был эмигрант и студент, а может быть, ни то ни другое; одни считали его не в своем уме, другие — себе на уме, а сам он называл себя последним народовольцем. Я подбил его на путешествие из Берна¹ в Невшатель и обратно, и он всю дорогу учил меня уму-разуму; говорил он неглупо, иногда интересно. От Берна до Биля он доказывал мне преимущества террора и уговаривал меня, по возвращении в Россию, посвятить мои скромные силы этому самому занятию. Когда мы прошли Биль, обогнули северный край прилегающего озера и свернули к юго-западу, его мысли приняли другое направление. Он указал мне на крохотный островок в полуверсте от берега:

— Это остров Жан-Жака. Здесь жил и умер Руссо².

(Потом я узнал, что Руссо здесь не умер, да и жил-то недолго, но дело ведь не в этом.)

Мы шли некоторое время, повернув головы к острову, и молчали; потом он заговорил:

— Эти идиоты кричат на всех перекрестках, что роль личности в истории равна нулю. История, дескать, творится сама собою, так называемые вожди — это, мол, только ее ставленники и приказчики; если бы не было Юлия Цезаря, нашелся бы какой-нибудь Юний Цезарь, но уж история-то своего добилась бы, и из-за такого пустяка, из-за такой мелочи,

как отсутствие той или иной личности, ничто бы не остановилось и ничто не изменилось бы. Идиоты! Есть на свете три острова, которые поставлены вечными памятниками во свидетельство той истины, что историю творит именно гениальный человек. Это — остров Св. Елены, Капрера и островок Жан-Жака, мимо которого мы идем. Хотел бы я видеть, чем была бы сегодня Европа без Наполеона, без Гарибальди и без Руссо! Как вы думаете?

Я робко поддакнул, соглашаясь, что Европа без этих людей имела бы теперь совсем другой характер и вид.

— Да, конечно, — закрепил он. — Пусть надо мной смеются сколько угодно, а я верю, что без Руссо французская революция запоздала бы на множество лет, без Наполеона ее влияние ограничилось бы одною Францией, а не распространилось бы так широко по всей Европе, а без Гарибальди Италия до сих пор ждала бы... ждала бы своего Гарибальди. Я понимаю, массы накапливают материал, но строят, но зиждут только вожди, и где нет вождя, там лучший и богатейший материал будет лежать и гнить без пользы. И самый разительный пример — Руссо.

Я скромно заметил, что, по-моему, самый разительный пример все-таки не Руссо, а Наполеон.

— Ничего вы не понимаете, — оборвал он меня. — Наполеон и Гарибальди изумительны как люди, но в их исторической роли, в их влиянии нет ничего удивительного. Трудно было природе создать таких людей, но раз они уже родились и не умерли в детстве от скарлатины, дальнейшее более или менее понятно. Дело в том, что оба они были, помимо своих особых, исключительных способностей, просто толковые люди, хорошие мастера своего дела. Оба имели ясный глазомер, понимали реальное положение, знали, чего сами хотят и чего хочет современник-соотечественник. При этих условиях, принимая еще во внимание их гениальность, вполне естественно, что за ними ринулась толпа, то есть история. Но Руссо! Знаете ли вы, юноша, про то, что Руссо был одним из самых бестолковых людей на этой планете?

Я этого тогда не знал, но спорить не осмелился и только заметил, что Руссо как-никак выражал не свои идеи, а идеи века, следовательно, его личные качества тут не могли играть особенной роли.

— Идея века! Боже мой! Юноша, вы невежда, вы, должно быть, изучали Руссо только по Иловайскому³. Идеи Руссо! Помилуйте, вы у Руссо найдете решительно все мыслимые идеи,

правые и левые, революционные и реакционные, черные и красные, что угодно и как угодно. Это была широкая натура, чересчур широкая (даже непостижимо, как мог такой выродок народиться в пайнке Женеве) — натура, способная найти крупицу истины хотя бы в самом грубом заблуждении; эту крупицу он подхватывал, размалевывал в 20 красок, раздувал до величины великого открытия, и, таким образом, черная лож превращалась в ослепительную, единоспасающую правду. А через год (если не через месяц) он же говорил совершенно обратное. У него вы найдете все положения и все отрицания: цивилизация погубила людей, наука никуда не годится, но, однако, нужен такой строй, который дал бы всем возможность учиться; собственность — корень всякого зла, но, однако, воспитание Эмиля надо начинать с внедрения идеи собственности; парламентаризм противоречит народовластию, но, однако... и т. д. При этом его отдельные политические взгляды по большей части представляли собою верх практической нелепости, праздную болтовню, совершенно неприменимую к жизни. Он не обладал чутьем реального, не понимал основных запросов своей эпохи. Накануне великой революции, которой вся сила была в идее централизации, нивелировки, растворения местных отличий в одном принципе, он умудрился проповедывать как идеал восстановление мелких республик à la Спарта и Афины. Не понимая, что борьба партий есть пружина политики, он считал разделение граждан на партии вредным, антисоциальным явлением и восхвалял политическую жизнь без партий — явное доказательство, что человек неясно представлял себе, что такое политика. Он рекомендовал ввести новую принудительную религию — это в эпоху, когда во всех сердцах назревал протест против всякой принудительной религии! На каждой странице его политических сочинений современники должны были встречать взгляды, совершенно не подходившие к духу предреволюционного времени, взгляды прямо антипатичные, да притом еще явно легкомысленные, недостаточно продуманные. И в самом деле, смотрите: из всех писателей, подготовивших революцию, он был самый популярный и таковым остался, но в результате революции его идеи совершенно не отразились. Францию, а за нею всю Европу перестроил Монтескье, а не Руссо. Но зажег революцию Руссо. Чем? Почему?

— Он был хороший писатель, лучше всех других в ту эпоху, — сказал я, чтобы не промолчать.

— Много вы понимаете, — опять срезал меня пылкий собеседник. — Хороший стилист — да, но хороший писатель?

Когда подрастаете, попробуйте прочитать «Новую Элоизу». Заснете на пятом письме. «Эмиль» скучен и изобилует прямо глупыми страницами. «Общественный договор» теперь местами невозможно читать без улыбки, без неловкости за автора. Сравните это сочинение с трактатами Монтескье, Беккариа, даже старого Макиавелли: те до сих пор не потеряли своего интереса, потому что то были плоды зрелой мысли, много работавшей, много учившейся, разборчивой и осторожной. У Руссо же вы чувствуете только одно: тут, очевидно, когда-то горел большой огонь, который непосредственно обжигал современников; для нас он потух, остались голые, черные головешки, среди которых редко найдешь жемчужину.

Тут я взмолился:

— Что вы такое говорите? Начали с того, что Руссо гений, а кончили тем, что он вроде бездарности. Начали с того, что он сделал историю, а теперь выходит, что его книги — одно пустое место...

— Но на котором когда-то горел большой огонь, юноша. В этом все дело. Прежде всего, нельзя так противопоставлять, как вы делаете, — гений и бездарность. Бездарность противопоставляется таланту, а не гению. Гений и талант — явления разной сферы. Де-Фоэ ничуть не гений, однако «Робинзон» интересен до сих пор, ибо Де-Фоэ был талантлив; Руссо был гениален, его книги были гениальны, а все-таки его сочинения теперь дочитает разве только специалист, может быть, кроме первой части «Confessions», которая интересна просто как дневник интересной, незаурядной жизни. Впрочем, это в скобках. А суть дела вот в чем. Идеологические вожди бывают двоякого рода. Одни дают содержание движения, дают ту идею, которую должна будет воплотить в жизнь предстоящая социальная катастрофа. Эта идея или эти идеи должны соответствовать реальным запросам времени и давать практический выход накопившимся потребностям; тогда они постепенно усваиваются обществом, и содержание будущей революции готово. Но этого мало. Нужна еще самая революция. Новые идеи лежат, как мертвый горючий материал: нужен поджигатель.

Это — второй тип идеологического вождя. Секрет его влияния — не в уме, не в знаниях, не в ясном глазомере, а только в настроении, в темпераменте, во внутреннем огне. Вся повышенная температура эпохи концентрируется в его душе; он горит на глазах у современников и заражает их. Тогда они слепнут и уже не замечают его ошибок, его противоречий, его

легкомыслия, невежества, даже шарлатанства: они чувствуют только его огонь, божественный огонь, *panlön genêtor*. И с этого человека начинается революция, этот человек делает историю, а не те умники, что так зорко прочли общественную нужду и так метко воплотили ее в своих социальных и политических идеалах.

И не самые эти потребности, и не самые эти идеи суть двигатели истории, но только личность вождя, маховое колесо социальной машины, без которого эта машина не сдвинулась бы с мертвой точки. Понимаете? Согласны?

Нижеподписавшийся промолчал и от ответа воздержался.

Altalena.

